

Ольга Агеева

Рец. на: Рукописный трактат «О коронах» начала XVIII в.: памятник русско-венгерских культурных связей – «A koronákrol»: egy XVIII. század eleji kézirat, az orosz-magyar kulturális karcsolatok dokumentuma / Сост.: М. Алёшин, Э.И. Амерханова, Т. Ботор, М. Фонт, О.И. Хоруженко, Э. Шашхалми; Отв. ред. М.Е. Бычкова. М.; Печ: Институт российской истории РАН; Университет г. Печ, 2013. 256 с.

Olga Ageeva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: Rukopisnyi traktat «O koronakh» nachala XVIII v.: pamiatnik russko-vengerskih kul'turnyh sviazei – «A koronákrol»: egy XVIII. század eleji kézirat, az orosz-magyar kulturális karcsolatok dokumentuma. Moszkva; Pécs, 2013

Рукопись перевода на русский язык сочинения начала XVIII в. «О коронах», хранящаяся в библиотеке Казанского университета им. Н.И. Лобачевского и описанная ещё в середине XIX в., в 2009 г. привлекла внимание московского историка, доктора исторических наук М.Е. Бычковой (1936–2014). Вскоре Маргарита Евгеньевна инициировала подготовку её издания. А поскольку первоначально считалось, что протограф документа был написан венгерским автором, то в работе приняли участие историки России и Венгрии, и все тексты опубликованы на двух языках.

Открывает книгу обращение к читателям директора Института российской истории РАН доктора исторических наук Ю.А. Петрова и ректора Печского университета профессора Й. Бодиша. Затем следует статья профессора М. Фонт «Корона, коронация, концепция короны в Венгрии». В ней русский переводчик трактата характеризуется как интеллектуал, хорошо представляющий позицию русского Двора относительно императорского титула и «сближения» России с Европой, а также знакомый с литературой на латинском языке. Судя по данным профессора Э. Шашхалми, для своего сочинения он «нашёл» трактат о коронах трансильванского сакса Мартина Шмейцеля (1679–1747), несколько сократив его при переводе.

Рассмотрение венгерской регалии Фонт начинает с обзора произведений XVII в. о Священной короне, определявших контекст сочинения Шмейцеля. При этом исследовательница указывает на труды хранителя инсигнии Петера Реваи (1613 г.), имперского историографа Иллеша Бергера (1608 г.), Яноша Йесенски (1609 г.) и др. В результате читатель знакомится с широким кругом политических идей, связанных со Священной короной и имевших хождение среди интеллектуальной элиты Венгрии XVII в. Затем излагается история короны как материального предмета, который, по достоверным сведениям, использовался как символ священного действия начиная с XIII в., но не с первой венгерской коронации Иштвана I Святого в 1001 г. (последнее делает сомнительным и факт присылки короны папой). В статье анализируются различные версии происхождения венгерской святыни (греческая XI в., латинская XII в. и др.), превращения её в один из критериев законности коронаций (наряду с коронационным собором и участием эстергомского архиепископа), появление в XII–XIV вв. эпитетов «священная», «апостольская» и «подаренная ангелом», формирование круга «членов Священной короны» (короля и ряда высших чинов), законодательства о её местонахождении и охране и проч. У русского читателя

вызовет интерес и обращение Фонт к работам других венгерских историков (в том числе Тесельски и Й. Деера).

Изучению латинского протографа и его перевода, сделанного в России, посвящена статья профессора Э. Шашхалми «Источник русской рукописи, предположительные обстоятельства её создания и её политическое значение». Как установил автор, в России переводилось сочинение Шмейцеля «Исторический комментарий о коронах, как старых, так и нынешних, а также о королевских», изданное в 1712 г. в Йене (*Commentatio Historica de Coronis...*). Сравнение текстов протографа и перевода свидетельствует о том, что их структура, за исключением некоторых фрагментов, а также иллюстрации (53 изображения) идентичны. Русский перевод, видимо, создавался «в практических целях» и представлял собой «упрощённый, освобождённый от точных ссылок... вариант соответствовавшего научным нормам, снабжённого ссылками 237-страничного трактата Шмейцеля» (с. 42–43). Скорее всего, он был осуществлён после 1722 г., когда в Европе начались споры по поводу имперского статуса России (русскому императорскому титулу было посвящено и одно из сочинений Шмейцеля, опубликованное в 1722 г.).

Проследив биографию Шмейцеля, Шашхалми пришёл к выводу, что тот использовал труды XVII в. и, в частности, «X книг о коронах» Карла Пасхалия (Париж, 1610), почерпнув из них, помимо прочего, ряд положений о видах символических головных уборов и их эволюции. По мнению профессора, новая для русского общества информация о европейских коронах потребовалась в связи со сменой регалий при Петре I. Любопытно, что если у Шмейцеля порядок описания соответствовал иерархии европейских государей и русская «коронная шапка» открывала последний раздел головных уборов «других высших властей», то в переводе она оказалась помещена рангом выше – среди королевских регалий. Небольшой текст О.И. Хоруженко помогает понять ситуацию, сложившуюся в России в момент провозглашения Петра I императором в 1721 г., и усилия российской дипломатии, добивавшейся признания этого титула.

Подготовившие «Археографическое описание рукописи и принципы публикации» Э.И. Амерханова и М. Алёшин осветили специфику палеографии источника и историю его поступления в Казанский университет

в 1840-е гг. При подготовке текста к печати составители стремились корректно передать все особенности рукописи, а также облегчить знакомство с ней широкого круга читателей. Комментарии написаны М. Фонт и сотрудником Сегедского университета Э. Кочишем при содействии Т. Ботора и О.И. Хоруженко, который составил также указатели личных имён и географических и этнических названий.

Трактат «О коронах» состоит из двух частей, каждая из которых имеет свою нумерацию глав (1–45 и 1–6). Первая посвящена символическим головным уборам от древности до Нового времени, вторая – истории Священной короны Венгрии. В первой главе излагаются разные точки зрения на семантику (власть, сила и т.д.) и происхождение слова «корона» (сам Шмейцель полагал, что оно происходит от греческого «*κορωνίς*» – верх или изгиб лука), а также приводятся упоминания данного термина у античных авторов и в Библии. Затем в главах 2–21 говорится о различных головных уборах древности, средневековья и раннего Нового времени, не являвшихся символами власти (венки, венцы, повой, шапки и проч.), рассматривается их внешний вид, использование в церемониях и обрядах. Среди прочих описаны короны «тишины и мира», «веселия и радости», надевавшиеся на пирах и мирных торжествах, «девственные» – носившиеся девицами до брака, «любительные» – предназначавшиеся для влюблённых, «брачные» – жениха и невесты, «праздничные» – для ритуалов при завершении «великих» дел, «заупокойные». Отдельные главы посвящены «святым коронам» языческих жрецов, «коронам чести» героев, а также «коронам бесчестия» – для осуждённых еретиков (Ян Гус и др.) и «бунтовщиков», к ним отнесён и терновый венец Спасителя – «корона Христова» (с. 104–106). В обширной 12-й главе указано несколько видов «корон добродетели», подносившихся «во знамение» «премудрости», достижений в науках и поэзии (например, Петрарке и поэтам XV–XVII вв.), венки, украшавшие головы победителей игр древних греков – олимпийских, пифийских и др. Главы 13–21 посвящены коронам, связанным с войной – «воинским», подносившимся за отвагу и победы в поединках, «гражданским» (в честь освобождения окружённых неприятелем граждан), «обозным и валовым», «водным и корабельным», «осадным», «победительным», «восклицательным» и «торжественным» – для малых и великих триумфов.

Перед повествованием о коронах «владельческих» и их «первом начале» автор гневно отвергает «поэтичное баснословие», будто бы они были введены «поганским богом» Юпитером или ветхозаветным царём Нимродом. Только после этого он сообщает про древние диадемы, повязки и венцы сирийских, египетских, парфянских, греческих и римских (с Марка Аврелия) правителей. Появление обрядов возложения короны автор относит ко временам императора Юстиниана.

Рассказ о «нынешних» регалиях начинается с тюрбанов и прочих уборов восточных «поганских владетелей» — турецких, иранских, китайских и эфиопских. Затем, в соответствии с существовавшей тогда в Европе политической иерархией стран, говорится про короны Священной Римской империи (римскую, немецкую и ломбардскую) и королевств — от Испании и Франции до Пруссии (сюда переводчик перенёс фрагмент о «коронной шапке» — не короне! — русских царей), а также про головные уборы князей и духовных лиц. В ряде глав прослеживается замена древних «отворенных», т.е. открытых корон (французские «золотые круги» и др.) закрытыми, символизирующими суверенность государств.

Вторая часть сочинения представляет собой яркий публицистический очерк о Священной венгерской короне, создать который Шмейцеля, по его словам, побудила «токмо любовь к моему отечеству». Он описал происхождение, внешний вид и место хранения короны, перечислил её «блустителей», привёл применявшиеся к ней эпитеты («святая», «аггельская», «апостольская»), рассмотрел «несогласия» относительно даты её присылки в Венгрию, поддержав при этом предание, согласно которому инсигния принадлежала ещё Константину Великому, в 1000 г. была отправлена королю Стефану папой Сильвестром II и уже в 1001 г. использовалась при коронации. Подробно излагаются и многочисленные «приключения» венгерской регалии, которую в XIV–XVII вв. не раз захватывали, теряли и находили, вывозили в Чехию и Австрию, выносили из огня, выкупали различные претенденты на престол, желавшие продемонстрировать легитимность своей власти и обладание её важнейшим символом. В завершение Шмейцель обстоятельно опровергал основания шести «папезских» претензий на подчинение Венгерского королевства Риму (присылка короны Стефану, отправление венгерских регалий в собор св. Петра после за-

воевания Венгрии императором Генрихом III и т.д.) и указывал на фактические ошибки и ложные трактовки сторонников папы. Его доводы, носившие антипапскую направленность, явно не противоречили взглядам русского переводчика.

В петровское время изменение инсигний дома Романовых было тесно связано со стремлением зафиксировать новый статус страны среди европейских государств. На практике оно растянулось на многие годы и ещё требует глубокого исследования. Так, более четверти века прошло от отказа использовать старый восточный тип царской шапки до изготовления первой императорской короны в 1724 г. Интересно, что при её создании возникла идея «обрести» в русских хранилищах корону Карла Великого. Заслуживают внимания и такие факты, как создание в середине 1710-х гг. первых «печальных» (надгробных) корон Романовых и появление в документах коронации Петра II рисунков западных корон. Всё это отражало хаотичные поиски имперских знаков власти и попытки вписать их в европейскую традицию. Для её понимания сочинение М. Шмейцеля являлось настоящим кладом сведений. Но помимо практической, утилитарной стороны его перевод в начале XVIII в. имел и важное просветительское значение. Первая часть трактата знакомила русского читателя с широким спектром обычаев и символических предметов «поганского» греко-римского мира и «папезского» средневековья, чем дополняла уже имеющиеся сведения об античности и западной культуре. Некоторые из них были весьма кстати, как, например, описания корон и обычаев римских триумфов, вызывавших особый интерес в связи с проведением в начале XVIII в. в России пышных «победительных въездов».

В целом же эта необычная для русской историографии публикация, являющаяся результатом плодотворного сотрудничества российских и венгерских учёных, не просто дополняет список переводов иностранных сочинений начала XVIII в., но и даёт весьма разнообразные новые сведения о государственной символике. Книга будет востребована не только исследователями, изучающими культуру петровской эпохи, но и обширным кругом любителей истории. Имеющиеся в статьях и комментариях отсылки к европейским сочинениям XVII — начала XVIII в., зачастую неизвестным отечественным историкам, ещё более повышают ценность издания.